

Линь Хэчэн и сам был в том возрасте, когда хочется играть и резвиться, поэтому, когда племянник назвал его «папой», он не почувствовал ни капли неловкости. Напротив, ему стало весело, и даже возникло какое-то... чувство расцветающей радости в сердце. Он скинул туфли и забрался на внутреннюю сторону кровати, однако всё же решил прояснить ситуацию:

— Даньдань, я ведь не твой отец, я твой маленький дядя.

Разве если отец на несколько лет младше, он перестает быть отцом? Конечно, нет! Линь Даньдань нахмурился, и его губы обиженно задрожали:

— Папа!

Боясь, что племянник снова расплачется, Линь Хэчэн в суматохе забормотал:

— Ладно, ладно, хорошо, пусть буду папой.

Подумав об этом, он коснулся своей щеки:

— Я ведь еще даже не женился на твоей матери!

Он ведь совсем не старый, еще даже не женат! Как же так вышло, что племянник сразу прицелился в него и назвал отцом?

Линь Даньдань внезапно осекся. Он окинул «отца» взглядом с ног до головы и с пренебрежением скривил губы:

— Эх... Папа, какой же ты бесполезный.

Почему это слово «папа» звучит так приятно на слух? Ведь сын явно чужой, да еще и говорит с явным пренебрежением. Линь Хэчэн со всей силы хлопнул Линь Даньданя по лбу:

— Ах ты, паршивец, еще и папу своего презираешь!

Его движения выглядели яростными, но на самом деле он лишь притворялся. В конце концов, у племянника явно была повреждена голова, и если тот снова ударится или повредит что-то еще, последствия могут быть непредсказуемыми.

— Хе-хе.

Линь Даньдань даже не рассердился после удара. Он лишь весело заерзал рядом со своим «отцом», который был почти одного с ним роста:

— Папа, скорее женись на маме! А когда женишься, старайся меньше ее расстраивать. А то, когда ты умрешь, мама будет очень горевать.

Черт возьми! Линь Хэчэн вскочил с кровати, и его лоб с глухим звуком «бум» врезался в верхнюю планку. Не обращая внимания на боль, он снова сел, скрестив ноги, а его лицо потемнело от гнева:

— Ах ты, сорванец! Твой отец еще даже жены не нашел, а ты уже проклинаешь его смертью?

Если бы не то, что племянник сейчас весь в ранах, он бы обязательно устроил с ним серьезный спор... Впрочем, зачем спорить с тем, у кого поврежден мозг?

— Я говорю правду, не верь, если не хочешь.

Странно было бы верить! Глядя на совершенно нормальный вид племянника, Линь Хэчэн всё же поправил позу:

— Тогда скажи, кто твоя мать?

Кто бы не знал, что он, седьмой из семьи Линь, только и умеет, что есть, пить и развлекаться, и ничуть не так успешен, как его старшие братья? Обычные семьи просто не захотят выдавать за него дочь. А если семья и согласна, то его собственная мать всегда находит изъяны: то происхождение не то, то таланты, то внешность... В общем, ни высоко, ни низко, поэтому он тянул до восемнадцати лет, и у него не было даже намека на помолвку, не говоря уже о цели. Может ли племянник, этот книжный червь, не интересующийся делами мира, знать то, чего не знает вся их семья? Если нет, то это не повреждение мозга, а божество, спустившееся на землю!

— Мою маму зовут Чжо Байвэй.

Разве он может не знать имени своей матери?

Кто такая Чжо Байвэй? Линь Хэчэн мысленно просмотрел всех девушек подходящего возраста из почти всех приличных семей Столицы, но не нашел ни одной Чжо Байвэй, да даже просто кого-то с фамилией Чжо.

— Ах ты, паршивец, просто выдумал имя наобум, чтобы обмануть старика!

Он ведь чуть было не поверил!

— Кто тебя обманывает!

«Ну погоди, папаша!» — подумал мальчик. Как только мама войдет в семью, он тут же поможет ей проучить отца!

Их спор в комнате был слышен даже за дверью. Голос Линь Даньдэ был полон сил, в нем не осталось и следа той слабости, с которой он лишь хрипел еще пару дней назад.

Жена старшего дяди Линь стояла за дверью и, улыбнувшись, не стала входить. Ее старший сын всегда был очень послушным — в лучшем случае его называли скромным джентльменом, но разве может подросток в свои десять с лишним лет не быть немного озорным? А сейчас он вел себя так, будто вовсе забавлялся со своим маленьким дядей.

Линь Ин стоял снаружи. Слушая голоса внутри, он нахмурился и непонимающе посмотрел на мать, тихо спросив:

— Там... это мой брат?

Линь Ин был родным братом Линь Даня, он был на два года младше и занимал третье место в семейной иерархии. Имея выдающегося старшего брата, он с детства жил в атмосфере поклонения ему, стараясь во всем подражать брату. Но сейчас брат внезапно сменил стиль поведения...

Линь Ин постучал в дверь:

— Брат, я войду?

— О, заходи~ — Линь Дань ответил не раздумывая. Кто-то назвал его братом — как же здорово!

В комнату вошел невысокий подросток. Его шаги были уверенными, а в чертах лица уже проступало достоинство взрослого человека.

Когда Линь Дань ясно разглядел вошедшего, он просто остолбенел. Черт, черт, черт! Это же его третий брат! В старшей ветви семьи Линь было всего два сына: старший, Линь Янь, умер рано, остался только Линь Ин. И Линь Ин тоже не подвел ожиданий — он проявлял себя во всем блестяще, а его удары ивовым прутом были особенно болезненными!

Третий брат, глядя, как старший брат внезапно нырнул в объятия маленького дяди, подумал про себя: «Они что, в какую-то игру играют?» Он тут же скинул обувь, забрался на кровать и, подражая им, тоже зарылся в объятия маленького дяди...

Жена старшего дяди Линь не ожидала, что войдет в комнату всего на шаг позже младшего сына и застанет такую картину.

Ху Чэ, пришедший навестить больного с опухшим задом, тоже не ожидал увидеть подобное!

От автора: Подушка (□□□□): С какими это обидами и злобами?

Подушка (□д'): Мало того, что меня каждый день придавливают, так еще и чешут, и кусают!

Подушка (т□т)∨: Последний вопрос...

Ху Чэ (□□□□): Любил.

В списке доверенных лиц Линь Даньданиа на первом месте, конечно, был его собственный отец, но если нужно было карманное содержание, он шел к матери. Однако если нужно было обсудить дела, он обращался к своему старшему брату.

Дело было не в том, что с остальными членами семьи Линь нельзя было советоваться, просто Линь Даньданиа с самого детства исключали из списка тех, «с кем можно обсуждать дела». Как младший в семье, он должен был отвечать только за беззаботные игры. А после перемен в семье мужчины, конечно, исчезли, а женщины, запертые в четырех стенах, знали меньше, чем мужчины, но они знали одно: чтобы сохранить единственный род Линь, они должны позволить Линь Даню продолжать путь повесы, иначе Линь Дань пойдет по стопам своих отцов, братьев и предков.

Но мог ли Линь Дань? Он ведь не был бесчувственным. В семье Линь погибло столько людей, неужели он мог притворяться, будто ничего не случилось? Но он мог только притворяться, и притворялся он так целых три года.

И за эти три года единственным, что позволяло ему хоть немного расслабиться, был...

— Брат Чэ, ты пришел!

Юноша, сидевший на кровати, улыбался так лучезарно, что, если бы не недуг, он, пожалуй, прыгнул бы вниз, чтобы схватить Ху Чэ.

Ху Чэ чувствовал себя крайне неловко от этой улыбки. В конце концов он понял, что стоять так просто не получится, и, приняв странную позу, вошел в комнату, неловко поздоровавшись:

— Даньдань.

Относительно походы Ху Чэ, благодаря богатому «боевому опыту» Линь Даня, всё было очевидно. Он с сочувствием посмотрел на своего старшего брата:

— Больно?

Старший брат Ху Чэ почувствовал стыд. Услышав, как Линь Хэчэн предлагает ему присесть, он покраснел и отказался:

— Нет, не нужно.

Линь Дань начал выпроваживать своего отца... то есть биологического отца, и третьего брата из комнаты:

— Выходите сначала, мне нужно поговорить с братом Чэ.

Линь Ин был в недоумении. Будучи прямолинейным подростком, он прямо спросил:

— Брат, о чем тебе нужно говорить с братом Ху?

Его брат и Ху Чэ были заклятыми врагами с самого детства, разве он не понимал? Между ними не было ничего, кроме колкостей и насмешек.

Линь Дань сначала не среагировал и просто попытался столкнуть Линь Ина с кровати:

— Иди, иди.

Сейчас третий брат выглядел даже меньше него, так что он ничего не боялся.

Когда тот действительно ушел, Линь Дань внезапно осознал сказанное и, опустив голову, пробормотал:

— Брат Ху... брат Чэ? — Его лицо непроизвольно исказилось. — Ху Чэ?

Ху Чэ, не понимая причины, кивнул:

— Уже не помнишь моего имени?

Он привык слышать «брат Чэ», но когда его вдруг назвали по имени и фамилии, это показалось ему очень непривычным, и он протянул руку, чтобы ущипнуть юношу за пухлую щеку.

Пухлая щека резко дернулась назад, и с глухим звуком «бум» ударилась о край кровати. Линь Дань поморщился от боли, и в уголке его глаза выступила слезинка.

Ху Чэ поспешно наклонился, придерживая затылок Линь Даня, потрогал его и осторожно положил обратно на подушку:

— Почему ты такой неосторожный? — Его взгляд встретился с взглядом Линь Даня, находящимся совсем рядом, и он внезапно заметил, что выражение лица того стало сложным — смесь удивления и гнева. — Что случилось?

Линь Дань поджал губы и хрипло спросил:

— Твоего отца зовут Ху Гаоминь?

— Да. — Брови Ху Чэ нахмурились. — Что с тобой, Даньдань?

Ответом ему была подушка! Линь Дань выхватил подушку из-под головы и со всей силы швырнул её в Ху Чэ:

— Ах ты, обманщик!

<http://bllate.org/book/17701/1652633>